

Всеволод Гаршин

**Императорская Академия
художеств за
1876-1877...**

*Часть сборника
Красный цветок (сборник)*

В.М.Гаршин Красный цветок //Эксмо, Москва, 2008

ISBN: 978-5-699-27370-6

FB2: "Chernov2 " <chernov@orel.ru >, 19 November 2008, version 1.0

UUID: 003bf564-6e03-11e2-8a5c-002590591ea6

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Всеволод Михайлович Гаршин

Императорская Академия художеств за 1876-1877 учебный год

«Некоторые уважительные причины помешали своевременному появлению на столбцах «Новостей» отчета о выставке работ учеников Академии художеств. Выставка разбирается и скоро будет закрыта; казалось бы, уже поздно говорить о ней с читателями, но она наводит на такие печальные и серьезные размышления о судьбах русского искусства, что было бы непροститительно обойти ее молчанием...»

**Всеволод Михайлович
Гаршин
Императорская Академия
художеств за 1876-1877
учебный год**

Некоторые уважительные причины помешали своевременному появлению на столбцах «Новостей» отчета о выставке работ учеников Академии художеств. Выставка разбирается и скоро будет закрыта; казалось бы, уже поздно говорить о ней с читателями, но она наводит на такие печальные и серьезные размышления о судьбах русского искусства, что было бы непростительно обойти ее молчанием.

Количество выставленных работ очень велико; несколько «конкурсных» картин на две темы, заданные Академиею, множество эскизов также на заданные программы и, наконец, весьма значительное количество этюдов с натурщиков – это казенные академические работы по живописи. Есть еще и неказенные работы: этюды гг. Богданова, Крачковского и Поплавского, о которых придется поговорить особо. Скульптура явилась в незначительном числе образцов; теперь зал Академии украшает только произведение г. Вельонского, получившего первую золотую медаль за весьма солидный барельеф «Венера перед Олимпом» (не ручаюсь за верность названия). Этим мы

покончим со скульптурой: больше сказать о ней нечего.

Живопись – самое задушевное из пластических искусств. Как же проявили себя молодые, свежие таланты, возросшие под бдительным надзором Академии? Какие она возлагает на них требования? Как они их исполнили? Требования странные, а исполнение жалкое.

На вторую золотую медаль конкурировали гг. Кудрявцев, Зимин и Данилевский. Писали они на тему: «Адам и Ева при виде убитого Авеля», а никакой Евы и никакого Адама, по правде сказать, не написали. Написано девять голых фигур (на трех холстах) и одна собака весьма странной и редкой в настоящее время породы, по мысли г. Данилевского, обнюхивающая ноги убитого Авеля. О, г. Данилевский, видимо, богат мыслями; видно, что он тщательно обдумал сюжет! «Адам и Ева... – думал он, – ну, натурально, голые. На лицах ужас или там что-нибудь такое. Осветить их разве выше колен заходящим солнцем? Еще чего-то не хватает; вот тут пустое место; что бы поместить сюда? Камень? Нет! Драпиров-

ку брошенную, собаку? Отлично!» и г. Данилевский —

Чертит – и в шляпе дело.

Пусть не обидится г. Данилевский. Я не хочу подозревать его в бездарности и даже и нелюбви к искусству. Я взял его картину как пример того, как относятся молодые художники к заданным им темам. Там, где г. Данилевский работает для себя (к сожалению, я мало знаком с его работами), я не сомневаюсь, что он не обнаруживает ни таких поразительных промахов в рисунке, ни странной любви к желтому бенгальскому огню, ни легкомысленности, с которой он пригласил животное неведомого типа играть в его картине роль собаки. Я уверен, что, увидь г. Данилевский у себя, в своем «собственном» альбоме, нос, подобный носу Евы, он вырвал бы страницу альбома или стер бы несчастный нос резинкой. А в программе – ничего, сойдет! – И даже сильные побуждения, желание, например, докончить на казенный счет свое художественное образование в Италии, в Париже, не в силах преодолеть той неохоты, которая

овладевает всяким молодым живописцем, когда его заставляют написать на тему заданную, навязанную. Хорошо еще, если случится, что она совпадает с настроением художника (чему пример отчасти представляет прошлогодняя вещь г. Сурикова: «Павел перед Иродом»); тогда он вносит в работу и старание и душу, хотя все-таки и здесь навязанность темы мешает свободе творчества; а если нет – с отвращением «компонуется» картина, небрежно замазываются фоны, на скорую руку, с манекенов или натурщиков, набрасываются апостолы, Каины, пастухи, египетские придворные, Вероники, русские бояре, словом, весь программный штат Академии художеств, И человек, немного знакомый с закулисной стороной дела, ясно видит, что это все не Каин, а натурщик Иван, и не патриарх Гермоген, а известный трем, если не более, поколениям художников старик Тарас, тоже натурщик. Что крайне неудовлетворительное исполнение программ Академии не может быть объяснено неспособностью нашей художественной молодежи – это не подлежит ни малейшему сомнению и наглядно доказано г.

Кившенко, бесспорно талантливый художником, получившим первую золотую медаль за свою программу «Брак в Кане Галилейской», Что г. Кившенко талантлив – явствует как из прежних работ (как, напр., его премированная Общ. поощр. худож. картина), так и из карандашных рисунков его на настоящей выставке. Они заслуживают несколько слов. Обратимся к «Браку».

Почему брак, а не аукцион, не толкучка – решить крайне затруднительно. С большим трудом между фигурами можно сыскать жениха и невесту. Гости толкуются без всякого толка и смысла. Какие-то кривые башибузуки на коленях перед Христом не то вымаливают у него прощение, не то... Впрочем, трудно сказать, что они выражают своими позами и лицами. Вероятно, удивление. И я тоже был удивлен, заметив, что плечо одного из них посыпано снежком, – однако при внимательном рассмотрении снежок оказался вышивкою белыми нитками. Очень интересная подробность костюма древних евреев. Или это прямое указание, извинение перед публикой: извините, мол, *белыми нитками шита кар-*

тина, для наглядности изобразил.

За эту вещь, смешную по рисунку, печальную по колориту, жалкую по компоновке, Академия дала первую золотую медаль! Она дана, впрочем, не за «Брак»; она дана за прежние работы г. Кившенко, показывавшие несомненный талант.

И теперь два рисунка – эскизы того же художника не наводят на печальные размышления; ясно потому, что заданные темы эскизов совпали с желанием работать г. Кившенко.

Первый эскиз – те же живые факелы Нерона, которые показал нам весной г. Семирадский. Не обинуясь, скажу, что композиция и замысел в эскизной работе г. Кившенко гораздо выше компоновки знаменитой картины. Зажигаемые христиане г. Кившенко производят в зрителе содрогание, чего г. Семирадский не достиг.

Впечатление талантливости художника еще более имеет место при виде другого эскиза – «Голгофы». Христа еще не распяли. Крест не врыт в землю, для него приготовлена яма. Около казнимого Бога собралась кучка вои-

нов, палачей; они делят его простые одежды и рассчитываются друг с другом деньгами. Пошлые лица, с очень удовлетворительно выраженной экспрессией, окружают Христа – бледного, спокойного мужа. Невыразимое страдание ясно написано на его лице. Две аксессуарные группы: толпа угрожающего народа и несколько рыдающих друзей, нарисованы ловко и правильно.

Между прочим, на этом эскизе написано: «за неисполнение темы назначается третья премия». Что значит этот чудный сон? Чем г. Кившенко «не исполнил» заданной темы? Тема «Голгофа» может дать материал для десяти различных по содержанию картин. Академия, даже не определив строго момента сцены на Голгофе, требует от художника, чтобы он угадал, чего ей хочется. А хочется ей, вероятно, рабского подражания прежним образцам. Одна эта новаторская черная яма, наверно, мозолит глаза почтенным профессорам Академии гг. Шаншину, Венигу и прочим столпам нашего искусства.

От чего же, как не от этого стремления обезличить каждого художника, лишить его

свободы творчества, и зависит изображенное отношение учеников к своим казенным работам? Я не стану разбирать подробно всех выставленных картин на академические темы. «Адам и Ева» как г. Кудрявцева, так и Зимина, вовсе не выказывая их бездарности, однако вполне доказывают все сказанное выше. Небрежный рисунок, небрежное письмо так и бьют в глаза как в этих двух картинах, так и в исполнении программ на первую золотую медаль.

О картинах г. Кившенко сказано уже довольно. Кроме него, выставили «Брак в Кане» гг. Вольнский, Винцман, Манизер, Шаховской и Прохоров. Ниже всякой критики картина последнего: трудно понять, как решается человек со столь слабыми задатками посвятить себя живописи. Представьте, читатель, хлев, или, скорее, угол двора, покрытый сверху рогожею. Под рогожею совершается что-то странное. Какие-то люди в ярких и грязных одеждах зачем-то сидят в разных позах. Вглядываясь ближе, вы видите, что это большею частью даже и не люди, а манекены. Что делают эти манекены – неизвестно, но, во

всяком случае, не пируют. Это ясно как день: какой же может быть пир, когда на двадцать человек подано лишь два бокала – золотой да стеклянный, да на полтинник винограда и яблочек из фруктовой лавки! Правда, у стола стоят огромнейшие глиняные сосуды, имеющие содержать в себе вино, но как пить из них? На эти сосуды манекен, написанный вместо Спасителя, смотрит с выражением изумления. Видно, что его чудо поразило его самого больше всех. Быть может, г. Прохоров имел в виду глубокую мысль? – не знаю. Думаю, что нет. В г. Прохорове и Академию обвинять было бы несправедливо.

Г. Шаховской, талантливый Шаховской, написавший уже несколько лет тому назад «Гитариста», потом бравший премии на конкурсах, на этот раз положительно оказался ниже себя. Г. Винцман в своей небрежной картине несколькими уголками ее показал сильный, симпатичный талант и очень недюжинную технику, но вся картина слаба, небрежна, писана сплеча. Более труда положил в свою работу г. Манизер. Мне кажется, что если бы г. Кившенко не заслужил медали

своими *прежними* работами, то справедливость требовала бы присуждения награды обойденному г. Манизеру. В его картине я заметил один уголок, написанный, очевидно, вне программы, «от себя». Это – два музыканта, дующие в свои свирели или другие инструменты; эти два наскоро набросанные лица, полные экспрессии, так резко отличаются от остального невыразительного и вялого персонала «Брака» (кроме немногих фигур), что невольно привлекают внимание зрителя. Наконец, г. Голынский написал какой-то странный брак – на краю города, на улице. Никто в этом браке браком не интересуется: жених протягивает чашу за вином с выражением: а ну-ка, дай, дай винца; Христос приглашает свою мать присесть рядом с ним; какая-то девушка устремила вдаль томный и печальный взор. Есть и одна недурная фигура (сравнительно) – мужчины, стоящего на первом плане. Кроме описанного, Академия выставила классные работы своих учеников. Если бы можно было выставить рядом с ними работы учеников сороковых или пятидесятых годов, тогда печальное зрелище сделалось бы

еще печальнее от наглядного доказательства попятного движения академического искусства.

Гг. ученики Академии, Крачковский и Богданов, выставили вовсе не академические работы – свои летние этюды, написанные совершенно самостоятельно. Г. Крачковский, уже известный пейзажист, показал, что без академического корсета и шнуровки можно правильно и быстро развивать свой талант. Его этюды каждый год делают большее и большее впечатление. Врожденная художнику поэзия находит тем лучшее выражение, что г. Крачковский упорно трудится, если судить по его этюду. Этюды этого года отличаются от прежних гораздо более сильным, выработанным колоритом.

Рядом с этюдами Крачковского г. Богданов поместил свои жанровые этюды. И об этом многообещающем художнике я ничего не могу сказать, кроме похвалы, имея в виду его постоянное совершенствование. Главное качество таланта – чувство меры и критическое отношение к себе – выражено одинаково сильно как в картинах природы Крачковско-

го, так и в живых, полных правды, фигурах Богданова.

Эти два художника составляют прямое указание составу Академии на ошибочность ее направления. Таланты нуждаются в поддержке, а не в рамках. Не пеленать надо искусство, а доставить ему возможность свободно развиваться.

Выставленные тут же этюды г. Поплавского слабее других работ этого вообще талантливого художника.

Обыкновенно художественные рецензенты проходят молчанием работы архитектурного класса Академии. Это и вообще несправедливо, а в этом году обойти молчанием работы гг. Прейса, Померанцева и других я считаю невозможным, не потому, чтобы они являли собою что-нибудь замечательное в положительном или отрицательном смысле (правда, г. Померанцев выказал и громадный вкус и изящество, совершенно мирящееся с простотою, и вообще работы архитекторов в этом году недурны), а потому, что и в этом случае Академия учинила странность, задав ученикам самую странную тему. Тема эта —

«Проект увеселительного заведения близ столицы». Каково? Убеленные, увенчанные головы профессоров Академии не могли выдумать для своих питомцев никакой темы лучше загородного колоссального кафешантана с рестораном, бильярдными, зимним садом и отдельными «номерами».

Постыдились бы, господа! Постыдились бы поддерживать, хотя и косвенно, глубоко пустившее корни в наше общество (вернее, в малоразвитую часть его) направление театра Берга, «Демидрона» и т. п. вещей! Неужели мало для вас великих архитектурных тем? Неужели фантазия, поэзия, знание архитектора меньше выразились бы в построении храма вечному существу, предмету поклонения всех народов, чем в проекте бессмысленного «увеселительного вокзала»? И какие размеры допущены были для него! Здание г. Прейса имеет 110–112 сажень длины; другие мало уступают по величине. Ведь это больше Зимнего дворца. Помилосердствуйте!

А если господа профессора Академии уж непременно хотели бить на современность, то и тогда бы уж не трудно было найти тему.

Здание для народных аудиторий, приют для
искалеченных в настоящую войну, здание
для всемирной выставки – разве это не темы?
И вместо того – увеселительное заведение!

Время ли веселиться, господа!

Декабрь 1877 г.